

АНТРОПОЛОГИЧЕСКАЯ ФОТОГРАФИЯ 1920-х — НАЧАЛА 1930-х ГОДОВ В КОНТЕКСТЕ ОСВОЕНИЯ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТЬЮ НАЦИОНАЛЬНЫХ ТЕРРИТОРИЙ

Е.Б. Толмачева

Екатерина Борисовна Толмачева | <https://orcid.org/0000-0002-8715-359x> | toek@kunstkamera.ru | к. и. н., заведующая лабораторией аудиовизуальной антропологии, старший научный сотрудник лаборатории музейных технологий, хранитель Фотонегатеки | Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН (Университетская наб. 3, Санкт-Петербург, 199034, Россия)

Ключевые слова

фотодокумент, фотоархив, музейная коллекция, физическая антропология, антропологическая экспедиция, визуальная антропология, источниковедение

Аннотация

Статья посвящена различным аспектам создания антропологической фотографии в 1920-е — начале 1930-х годов. На примере истории развития визуального документа представлены проблемы научного освоения национальных окраин. Особенности формирования комплекса фотоизображений периода национального строительства рассмотрены в контексте выбора территорий и этносов для изучения, взаимодействия с властными структурами и подхода к работе с местным населением. В тексте показаны различные ситуации, в которых создавались антропологические фотодокументы, и проанализированы отчеты, отражавшие научные задачи ученых. На примере истории формирования фотофонда МАЭ РАН представлены основные этапы и направления исследований, технические особенности производства фотодокумента и архивации его в музейном собрании. Поднимаются вопросы авторской методики фотофиксации изображений, проблемы этики взаимодействия с субъектами и публикации материалов научных экспедиций.

Информация о финансовой поддержке

Российский научный фонд, <https://doi.org/10.13039/501100006769> [проект № 21-18-00518]

Антропологическая/антропометрическая фотография, являясь особым видом научного документа, не вызывает широкого обсуждения среди историков и источниковедов. Будучи сугубо научной и не творческой, в сравнении с этнографической, она дает меньше возможностей для интерпретаций и прочтения смыслов и при этом, на первый взгляд, не создает очевидных контекстов для гуманитарных исследований. Несмотря на то что в научном знании эти

Статья поступила 23.01.2023 | Окончательный вариант принят к публикации 22.07.2023

Ссылки для цитирования на кириллице / латинице (Chicago Manual of Style, Author-Date):

Толмачева Е.Б. Антропологическая фотография 1920-х — начала 1930-х годов в контексте освоения советской властью национальных территорий // Этнографическое обозрение. 2024. № 1. С. 133–150. <https://doi.org/10.31857/S0869541524010073> EDN: YEBVKU

Tolmacheva, E.B. 2024. Antropologicheskaja fotografija 1920-kh – nachala 1930-kh godov v kontekste osvoenija sovetskoi vlast'iu natsional'nykh territorii [Anthropological Photography of the 1920s – Early 1930s in the Context of the Development of National Territories by the Soviet Authorities]. *Этнографическое обозрение* 1: 133–150. <https://doi.org/10.31857/S0869541524010073> EDN: YEBVKU

Этнографическое обозрение | ISSN 0869-5415 | Индекс 70845 | <http://eo.iea.ras.ru>

© Российская академия наук | © Институт этнологии и антропологии РАН

два вида документа, как правило, идут вместе, они сильно отличаются стилистически, сюжетно, содержательно, технически и атрибутивно. Однако на ранних этапах антропологическое документирование могло производиться довольно вольно, в соответствии с личными представлениями фотографа и исследователя о том, как лучше наглядно представить расовое и культурное разнообразие.

Антропологический фотодокумент, изготовленный в соответствии с визуальными и измерительными требованиями, — это всегда портрет человека (индивидуальный, парный или групповой), что способствует единообразию фотофиксации (как содержательной, так и технической) и не допускает художественного решения. Антропологический портрет используется для измерения, описания и уточнения морфологических признаков лица и тела человека.

Указания к съемкам научной фиксирующей портретной фотографии стали разрабатывать довольно рано; на русском языке первые рекомендации, заложившие основу будущих методик, появились уже в 1865–1866 гг. в правилах для фотографирования портретов для Всероссийской этнографической выставки 1867 г. Несмотря на очень общие формулировки, в тексте указано, что желательно снимать людей с наиболее типичными лицами (без комментария, что считать “типичным лицом”) в фас и профиль (Всероссийская выставка 1866).

С оформлением антропологии как науки к 1880–1890-м годам появляются особые требования к визуализации расовых, национальных, физиологических и возрастных особенностей. Однако дуализм сохраняется, этнографическая и антропологическая фотографии, являясь фиксацией человека в контексте изучения человеческих культур и популяций, нередко сливаются в единый массив, неразделимый для исследователей¹. В студиях и в процессе полевых изысканий создавались различные образцы портретной фотографии, которые можно соотнести с требованиями, предъявляемыми и к этнографическим, и к антропологическим документам.

Правила антропологической фотосъемки, актуальные и по сей день, складываются лишь в 1920-е годы, когда антропологическая наука выходит на новый уровень. В этот период разрабатываются новые методики фотофиксации, появляются технические приспособления и атрибуция по категориям (пол, возраст, национальность, географическая локализация), формулируются новые теории и концепции, меняются подходы к проведению исследований и измерений, вводятся единые правила и системы. Антропологические проекты становятся масштабнее, привлекаются знания смежных наук, намечается переход к антропогенетическим обобщениям о происхождении человека и народов.

В это время интерес ученых совпадает с запросом государства на освоение национальных территорий через всестороннее изучение населения и анализ производственных и демографических мощностей. Антропологические исследования, ставшие актуальным направлением, включаются в единый комплекс научных работ, проводившихся в стране. С.Ф. Ольденбург и Д.Н. Анучин отмечали, что рассмотрение корреляции между “физическими, расовыми, наследственными” факторами и “физиологическим развитием населения” позволят государству использовать человеческие ресурсы с максимальной экономической выгодой (*Хири* 2022: 141; *Хроника* 1924: 130). О том, что кроме расовой антропологии остается обширная область изучения человека как производительной силы, писал в своем отчете и антрополог Б.Н. Вишневский (*Вишневский* 1929: 4, 31).

Работы проводились широко и масштабно, разными организациями и были направлены на решение множества задач — гигиенических, военных, строитель-

ных, демографических и пр. В результате массово обследовались значительные группы населения – от представителей разных национальностей до рабочих объединений. Активно изучали Сибирь, Среднюю Азию и Казахстан, Поволжье; отдельные экспедиции были организованы на Украину и в Беларусь.

В предвоенные десятилетия основное направление работ – прикладные полевые исследования, целью которых были: фиксация изменений уровня жизни на фоне коммунистического и национального строительства в стране; выявление национальных характеристик для создания карт расселения народов; проведение переписи и установление границ областей и республик; опровержение расовых теорий и сбор комплексных данных для изучения истории происхождения и миграции народов (Хириш 2022: 130).

Антропологическую фотографию редко рассматривают в контексте политических изменений, происходивших в стране в 1920–1930-е годы. Однако коммунистическое строительство не могло не отразиться на особенностях создания фотодокумента, изображавшего новую зарождающуюся нацию. Фотографии этого периода интересны тем, что фиксируют массовые обследования групп населения в ходе плановых методичных работ. К сожалению, съемка проводилась далеко не всегда – это может быть связано как со сложностями организации, так и с исследовательскими задачами конкретных экспедиций, не требовавших визуальной фиксации.

На этом фоне актуальным является изучение не только истории формирования фотоколлекций, но и того, как историческая обстановка влияла на их содержание, методику фотоработы, на выбор исследуемых и фиксируемых территорий и субъектов. Интересны принципы распределения по различным организациям фотодокументов, способы их архивации и использования для дальнейших исследований. Важно и то, как сейчас, в исторической перспективе, мы можем их оценить и встроить в систему исторического, антропологического и источниковедческого знания.

Методика антропологической фотофиксации. К 1920-м годам уровень накопленных знаний позволил обобщить информацию о методах антропометрической фотофиксации, что изменило требования к созданию фотодокументов. Постепенно методика дорабатывалась в деталях: был выработан набор измерений, которые можно проводить по фотографиям; выстраивался алгоритм процесса съемки как в условиях лаборатории, так и в поле. Однако возможности ученых ограничивались отсутствием специальной фототехники.

Исследователи приходят к пониманию, что антропологическая съемка – особый вид научной работы и должна проводиться только специалистами, что антропологические исследования лучше не совмещать с этнографическими (частая исследовательская практика), так как они требуют особых условий, которые сложно соблюсти этнографам, нередко активно передвигавшимся по изучаемому району.

Одну из подробных методик антропологической фотосъемки опубликовал С.М. Дудин в 1921 и 1923 гг. (Дудин 1921, 1923а, 1923б). Он описывает технологию, разбирает особенности оборудования и самого процесса фотографирования, указывает, как размещать и фиксировать модель, какие точки использовать для наведения резкости, как устанавливать осветительные и измерительные приспособления, отмечает необходимость трех проекций. Очевидно, что сам процесс съемки получался трудоемким, требовавшим громоздких дополнительных приспособлений (напр., стула с головодержателем и измерительных линеек), которые нужно было брать с собой в поле.

Интересно в этой связи рассуждение Н.А. Синельникова (сотрудник Антропологического музея и Антропологического института при МГУ) в статье 1926 г. о слабой подготовке к антропологической фотофиксации. Он отмечает, что отечественные исследователи знают о съемке двух проекций, при этом они не владеют информацией о параметрах размещения субъекта и фотоаппарата. Н.А. Синельников пишет, что в Европе уже разработана технология съемки трех проекций на одной пластинке с помощью мультипликатора, но, по его мнению, в СССР (по состоянию на 1926 г.) она пока не используется (Синельников 1926). Ученый указывает и на то, что нет четкого правила, на какие точки происходит ориентировка (наведение резкости) при выстраивании положения тела в пространстве, а также на то, что у исследователей в сопроводительной документации не принято указывать методы работы и технику (Там же). Многие рекомендации, представленные в работе Н.А. Синельникова, применялись в последующие десятилетия (Перевозчиков 1987). Однако в предвоенных материалах нет информации о технических условиях проводившихся съемок. По-видимому, несмотря на необходимость, эти данные никогда не записывались или не сохранялись. В целом, в статье впервые на русском языке четко прописываются правила ориентировки в пространстве снимаемого субъекта, построение трех проекций, технические параметры фототехники и фотофиксации, рекомендации по выбору оборудования и фотоматериалов.

Фотоколлекция МАЭ РАН. Ряд вопросов истории собирания антропологических фотодокументов и методы их последующей обработки в научных организациях можно рассмотреть на примере фотофонда Музея антропологии и этнографии имени Петра Великого (Кунсткамера) РАН. Фонд свидетельствует о масштабных работах, проводившихся в экспедициях, отражает взаимодействие исследователей с местным руководством и населением, представляет особенности обработки и архивации материалов в МАЭ. Собрания и имеющиеся отчеты исследователей позволяют проанализировать научный контекст создания и обработки антропологических фотодокументов.

Для рассматриваемого периода характерны работы, выполняемые совместно сотрудниками разных институций: так в экспедициях, организованных под эгидой КИПС, зачастую объединялись исследователи из МАЭ, ГАИМК, РГО, ЛГУ и этнографического отдела РМ. Большие комплексные полевые выезды предполагали обследование населения в плане культурных, демографических, медицинских и антропологических особенностей, т.е. совмещалось сразу несколько видов исследования. Проводились антропометрические измерения, забор крови, фотографирование, посемейные опросы. Сотрудники разных организаций нередко объединялись в экспедиции не только по причине общих интересов, но и из-за недостаточного финансирования научных проектов (НА ИИМК 2. Л. 5; НА ИИМК 1. Л. 7). Это привело к тому, что большая часть материалов, рассеянная по разным организациям страны, так и не была комплексно исследована и опубликована. Так, например, материалы изучения чувашей (комплексная чувашская экспедиция под руководством Н.Я. Марра), киргизов, таджиков и узбеков (комплексная экспедиция под руководством В.В. Бартольда), собранные под эгидой КИПС, частично оказались в коллекции МАЭ.

Комплексные работы КИПС стали одним из наиболее ярких антропологических проектов 1920-х годов в нашей стране. Комиссия привлекала как сотрудников различных профильных организаций из Москвы и Ленинграда, так и местных исследователей. Под общим руководством Д.А. Золотарёва, главы

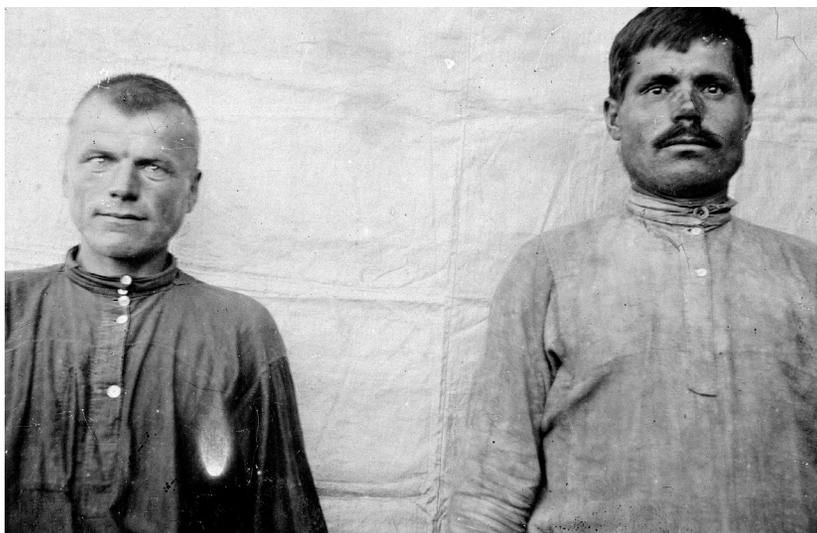

Рис. 1. Поясной портрет Шестакова М. и Шаврова В. Вепсы. 1927 г. Автор Розов Н.С. (д. Пёлдуши Пёлдушского с/с Винницкого р-на Ленинградской области) (МАЭ № 7747-138)

Европейского отдела КИПС, велись многопрофильные работы на Севере, Северо-Западе страны, в Центральной России и в регионах Поволжья. Только за 1928 г. в районах Севера и Северо-Запада было проведено четыре экспедиции, в которых работали антропологи (Отчет 1929. Ч. II: 74–75, 88–89). В фонде МАЭ хранится небольшая часть антропологических фотодокументов по вепсам, созданных в ходе изучения северо-западных регионов в 1926–1927 гг. (колл. МАЭ № 7747) (в качестве примера см. Рис. 1).

Этот небольшой комплекс фотоотпечатков является показательным с точки зрения устойчивости традиции создания антропометрической фотографии, сложившейся еще в XIX в. Снимки отличаются от документов 1920-х годов, созданных специалистами по новым методикам. Фотоработы в экспедиции Д.А. Золотарёва (он осуществлял общее руководство всеми этнографическими экспедициями по Северу и Северо-Западу России) проводил профессиональный антрополог Н.С. Розов, однако, по-видимому, у него не было возможности для использования новых технологий, или он не был знаком с ними. Например, придерживаясь прежних традиций антропологической фиксации, он снимал модели парами, что не позволяло навести фокус фотоаппарата на реперные точки двух одновременно снимаемых объектов.

Рассматриваемая коллекция характеризует одну из особенностей формирования фотофонда МАЭ: снимки поступили не от сотрудников музея и не были сопровождаемы соответствующей документацией (материалами анкет и опросов). Это сближает фотографии из экспедиции к вепсам с визуальными документами более ранних периодов, фиксировавшими обобщенный национальный портрет, но не подкреплявшимися посемейными обследованиями, сбором специальной генеалогической информации и фотосъемкой для статистической выборки. Этим же недочетом нередко страдают и другие антропологические фотодокументы, поступавшие в 1920–1930-е годы в МАЭ от корреспондентов и исследователей на местах, они также не сопровождаемы подробной документацией.

Формирование большого и единого комплекса антропологических фотодокументов 1920–1930-х годов в МАЭ связано с деятельностью Б.Н. Вишневого и Г.И. Петрова. Именно с их приходом в Музей начинается подъем активности отдела антропологии, в МАЭ складывается научная школа, развивающая исследования в различных направлениях (*Гинзбург* 1968: 190–191). На базе Музея впервые было организовано изучение расовых особенностей биохимических свойств крови, а в 1927 г. создано бюро по изучению крови народов СССР. Сотрудники МАЭ составляли программы антропологического изучения населения, дорабатывали системы измерений и типологических описаний, методики и технологии фотофиксации, занимались конструированием специальных приборов. Под руководством Б.Н. Вишневого были открыты новые экспозиции в МАЭ, проведены выставки.

Нужно отметить, что благодаря соблюдению рекомендаций, описанных в статье Н.А. Синельникова, фотоработы сотрудников МАЭ заметно выделяются среди массы антропологических изображений 1920–1930-х годов. Так, например, методика съемки трех норм на одной пластинке размером 13x18 см с применением специального мультипликатора была использована Б.Н. Вишневым уже в 1927 г. при исследовании чувашей (*Вишневский* 1929: 237). Можно полагать, что это стало возможным благодаря усовершенствованиям, сделанным техническим сотрудником МАЭ В.П. Павловым. В.П. Павлов работал фотографом в нескольких антропологических экспедициях, однако в 1930 г. уволился из Музея. А в 1928 г. был куплен специальный фотоаппарат для антропологической съемки (Отчет 1929. Ч. I: 174).

Б.Н. Вишневский руководил тремя экспедициями к чувашам. Первые антропологические съемки были сделаны им в 1924 г. Исследования 1926–1927 гг. проводились в составе комплексной этнологической экспедиции (лингвистика, этнография, доистория, антропология) совместно с ГАИМК и Яфетическим институтом, были обследованы Ядринский, Батыревский, Цивилевский и Чебоксарский уезды (Отчет 1925: 138, 251; *Вишневский* 1929: 229–231). Представленные экспедициями коллекционные комплексы неоднородны и свидетельствуют о трансформации авторской методики: коллекция 1924 г. содержит погрудные портреты людей (фас и профиль на отдельных пластинках) и парные изображения (на одном снимке зафиксировано два человека) обнаженных людей в полный рост (в качестве примера см. Рис. 2), тогда как коллекция 1927 г. состоит из стеклянных пластин 13x18 см с погрудными портретами в трех нормах на одном негативе (профиль, фас, 3/4) (в качестве примера см. Рис. 3) (колл. МАЭ И 957, И 958).

Несколько лет Б.Н. Вишневский работал в Средней Азии в антропологических и в комплексных этнологических экспедициях. В фондах МАЭ хранится семь коллекций (колл. МАЭ И 542, И 543, И 959, И 960, И 961, И 1699, И 1700) по народам Узбекистана и Таджикистана, собранных им и его коллегами – Г.И. Петровым, Л.К. Корниловым и сотрудничавшими с отделом антропологии М.М. Гагаевой-Вишневской, Е.Г. Либманом и др. (в качестве примера см. Рис. 4).

Целый ряд собраний фотодокументов в МАЭ появился благодаря Г.И. Петрову. Им были собраны четыре фотоколлекции (колл. МАЭ И 80, И 81, И 92, И 93) по крымским татарам и грекам (Отчет 1929. Ч. II: 231; Отчет 1930: 193; Отчет 1931: 271). В 1928–1929 гг. он был приписан к Эски-Керменской археологической экспедиции под руководством Н.И. Репникова и параллельно проводил антропологические исследования в деревнях Черкес-Кермен, Заланкой,

Рис. 2. Мужчина 27 лет. Фас (2а) и профиль (2б). Чуваша. 1924 г. Автор Вишневский Б.Н. (Яниково-Шоркистринская волость Цивильского уезда Чувашской автономной области) (МАЭ И-958-78, МАЭ И-958-79)

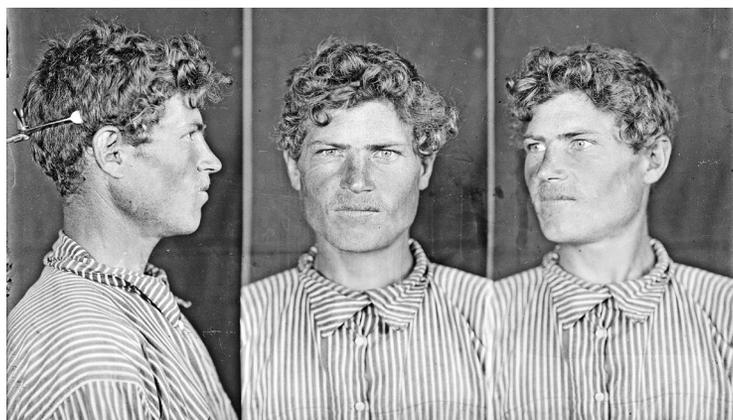

Рис. 3. Мужчина 24 лет. Три проекции. Чуваша. 1927 г. Автор Вишневский Б.Н. (Батыревская волость Чувашской АССР) (МАЭ И-957-16)

Кабарда, Каралез, Ходжа-Сола, Тыш-Басты, Албат, Керменчик Верхний и Керменчик Нижний, Лакка и Пычки. В 1929 г Г.И. Петров побывал в Гурзуфе (в тот момент там собирал фотоматериал о расовых типах татар южного берега Крыма фотограф МАЭ В.П. Павлов) и в д. Старая Крань Мариупольского округа, где обследовал 50 взрослых мужчин и снял фотографии в трех нормах. Реализация Г.И. Петровым научного проекта 1931 г. по изучению русских, бурят и смешанных групп Забайкалья позволила Музею пополнить собрание большой коллекцией (колл. МАЭ И 1596) фотодокументов из д. Палканово Кударинского сельсовета Троицкосавского аймака (совр. Полканово – село в сельском поселении Зарянское Кяхтинского р-на Бурятии) (в качестве примера см. Рис. 5).

Коллекция антропологических фотодокументов в МАЭ формировалась не только в процессе экспедиций. Так, в отчетах о работе АН СССР упоминается, что в целях пополнения материалов по расовой иконографии отдел антро-

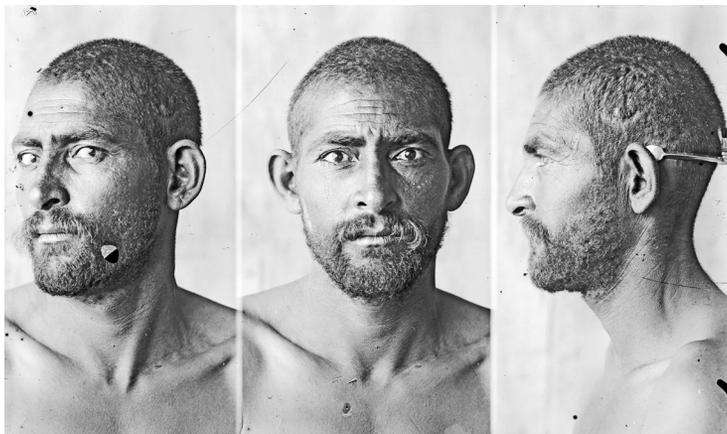

Рис. 4. Мужчина 30 лет. Три проекции. Арабы. Автор Корнилов Л.К. 1929 г. (кишлак Араб-хана Юкары-Даргомского р-на Самаркандского округа Узбекской ССР) (МАЭ И-542-58)

Рис. 5. Мальчик 10 лет. Три проекции. Крымские татары. Автор Павлов В.П. 1929 г. (с. Куркулет Куркулетского с/с Ялтинского р-на Крымской АССР) (МАЭ И-80-37)

пологии Музея установил контакты с отделами уголовного розыска страны, имеющими большие фотографические коллекции физиономических типов населения (Отчет 1928. Ч. I: 184). Но поскольку в коллекции МАЭ хранятся только фотоотпечатки, полученные от Тамбовского УГРО, можно предположить, что широко заявленная программа не была осуществлена (Отчет 1929. Ч. I: 74). Кроме того, сбором антропологических фотодокументов занимались корреспонденты и ученые, работавшие по договору; ряд материалов был получен благодаря местным исследователям, связи с которыми устанавливались во время экспедиций. Так, например, в МАЭ поступили коллекции от П.С. Масагетова по народам Средней Азии (колл. МАЭ И 106) (Отчет 1929. Ч. I: 174), от И.Н. Шухова (колл. МАЭ И 1059) (Отчет 1928. Ч. II: 113) по населению Тарского округа и от Р.П. Митусовой по киргизам (колл. МАЭ И 126) (коллекция Р.П. Митусовой была собрана в ходе совместных полевых выездов сотрудников КИПС и КЭИ и передана в МАЭ через Этнографический отдел Русского музея), из Семипалатинского окружного музея поступили материалы по казахам (колл. МАЭ И 107). И если коллекции П.С. Масагетова и Р.П. Митусовой

Рис. 6. Антропологический снимок женщины 39 лет и девочки 12 лет. Зыряне. Автор Шухов И.Н. 1927 г. (пос. Имшегал Оноренского с/с Знаменского р-на Тарского округа Сибирского края) (МАЭ И-1059-5)

в целом соответствуют требованиям, предъявляемым к научной фотографии, то в коллекции И.Н. Шухова имеющиеся изображения в фас и профиль сделаны под неверным углом, часто сверху, на многих снимках обнаженные тела запечатлены в довольно странном ракурсе (сбоку), не соответствующем норме $3/4$, руки у моделей иногда уперты в бока или завернуты назад, на некоторых фото в ракурсе фас отмечен “художественный” поворот головы, характерный для студийного портрета. Возможно, исследователь не очень хорошо был знаком с требованиями, предъявляемыми к измерительному фотодокументу, в коллекции тем не менее прослеживается некое представление автора о фиксации объекта (в качестве примера см. Рис. 6). Но это лишь наши предположения, поскольку известно, что для фотосъемки в более ранних экспедициях И.Н. Шухова инструктировал сам С.М. Дудин (Терюков 2013: 227).

Выше перечислены далеко не все антропологические фотодокументы указанного периода, хранящиеся в фонде МАЭ. Обычно такие изображения входят в состав этнографических сборов и в документах отдельно не обозначаются. Они выявляются при непосредственной работе с коллекцией, при ее визуальном осмотре.

Организация фотосъемки в экспедициях. Интересным и важным является не только содержание самих документов, но и контекст и условия их создания, то, как выбирали моделей, и насколько активно приходилось задействовать административный ресурс для получения согласия людей на специфические съемки. Предварительная работа с местным населением проводилась особым образом, чтобы мотивировать на обследование и фотографирование. Важно понимать, что процесс привлечения моделей не часто описывался в дневниках и отчетах, и мы можем только догадываться на основании косвенных данных о методах организации работы на местах. При этом в ряде случаев можно найти довольно интересные комментарии на эту тему. Так, Г.И. Петров в своем отчете о проведении антропологических исследований в Бурят-Монголии в 1931 г. пишет, что предварительно в Ленинграде было проведено общее заседание членов экспедиции

с выступлением ее руководителя и обсуждением планов работы. На заседание были приглашены представители Госплана, Института здравоохранения, Наркомздрава и др. учреждений (*Петров* 1933: 7–10). Обсуждение на столь высоком уровне можно считать определенной формой давления на исследователей уже на этапе подготовки. Место проведения экспедиции – д. Палканово с преобладающим метисированным населением – было также согласовано с Госпланом. Нужно учитывать и сложившуюся к началу 1930-х годов ситуацию в стране: советской власти необходимо было получить свидетельства того, что развитие человека определяется именно социальными условиями (*Хирш* 2022: 37). Начальник экспедиции Г.И. Петров прямо пишет в отчете, что требовалось доказать полноценность метисов: «При этом экспедиция рассматривала проблему метисации не только в узко академическом разрезе (изучение наследственной передачи признаков), но и в политическом (вопрос о “полноценности метисов”), принимая во внимание большое и актуальное политическое значение ее в условиях СССР, с его пестрым национальным составом» (*Петров* 1933: 11). Эти исследования были важны для опровержения идей биологического детерминизма, которые развивали многие зарубежные ученые, считавшие, что развитие человека определяют расовые признаки (см. Рис. 7).

По приезде на место сотрудники экспедиции провели разъяснительную работу с местным населением на сельских сходах, было организовано и одно собрание для женщин. Поначалу люди охотно приходили на обследование, но через несколько дней среди крестьян пошли слухи, что новая власть выясняет, у кого русская кровь, чтобы выселить их из Бурятии, и поток желающих иссяк. Руководителям экспедиции пришлось выехать в Троицкосавск, чтобы доложить партийным и административным органам о срыве исследования. Были приняты меры: из города прислали ответственных работников, которые вместе с председателем колхоза вновь провели разъяснительную работу и даже организовали соцсоревнование (*Петров* 1933: 8).

Интересные факты приводит и Б.Н. Вишневецкий. Так, в отчете об экспедиции к чувашам в 1927 г. он отмечает, что во время работ 1924 и 1926–1927 гг. в Чувашской республике к антропологическим исследованиям привлекались врачи и “местные культурные силы”: заведующий профбюро, заместители председателя местного и волостного исполнительных комитетов. Была проведена разъяснительная работа в краеведческом обществе, членам которого сообщили о целях и задачах этнолого-антропологического изучения чувашей (*Вишневецкий* 1929: 231–232).

Б.Н. Вишневецкий отмечает, что несколько по-разному складывалась экспедиционная ситуация в Узбекистане в 1926 и 1929 гг. (Отчет 1927: 128–136; Отчет 1930: 279–281). По-видимому, в первой поездке проведенная предварительная работа была недостаточной, не была учтена сложность данного региона. Ученый пишет, что был установлен контакт с местными краеведами, административными и научными учреждениями Узбекистана. Во врачебной секции в академическом центре Наркомпроса был прочитан доклад о целях и задачах исследований, специальные доклады “Антропология и военное дело” были сделаны перед обследованием военнослужащих, в том числе в военном госпитале. Однако, когда приступили к обследованию учащихся педагогических курсов, возраст которых колебался от 20 до 40 лет, возникли проблемы. Люди неохотно позволяли проводить антропометрические измерения, катего-

Рис. 7. Бухальцева, поколение IV. 17 лет. Метисы Забайкалья. Три проекции. Автор Шуркин Г.А. 1931 г. (с. Палканово Кударинского с/с Троицкосавского аймака Бурят-Монгольской АССР) (МАЭ И-1596-8)

рически отказывались снимать одежду ниже пояса. Исследователи связывали это с тем, что обследуемые в этой группе в основном происходили из крестьянской среды и были далеки от европейской культуры. Понять цели и задачи антропологического исследования ни они сами, ни, что важно, их руководители, несмотря на объяснения, не могли.

Не проще пришлось и с женщинами. В Самарканде с ними работала М.М. Гагаева-Вишневецкая, обследование проводилось в амбулаториях. Исследовательнице и врачебному персоналу приходилось долго уговаривать женщин не бояться блестящих инструментов и дать себя осмотреть.

В Пенджикенте работа проводилась на базе местных больниц. Поначалу люди с удовольствием приходили в медицинские учреждения, ими двигало любопытство, но поток желающих быстро иссяк, так как производимые манипуляции им не понравились. К тому же при работе с женщинами приходилось следить за тем, чтобы мужчины не заходили в перевязочную и не заглядывали в окна. Исследователи отмечали, что женщины позволяли себя фотографировать довольно спокойно, поскольку не всегда понимали происходящее. В 1926 г. ученым не удалось обследовать местных цыган, так как те не пошли на контакт.

Спустя три года картина несколько изменилась. Во время работы с населением, проживающим вокруг Самарканда (арабами, ирани, евреями, цыганами, таджиками, узбеками), было отмечено, что люди стали активнее взаимодействовать с антропологами. Возможно, это связано с тем, что в 1929 г. были установлены тесные связи с совнаркомом Узбекской ССР и отдельными наркоматами. Так, их представители и представители партийных органов провели совместно с учеными собрание в арабском кишлаке для ознакомления его населения с целями и задачами экспедиции. Со стороны местного актива исследователи (по словам Б.Н. Вишневецкого) нашли полную поддержку. В этой поездке к работе с населением было привлечено больше представителей органов местной власти, а не краеведов и вра-

чей, как в 1926 г. Один из кишлаков был отмечен как “наиболее культурный”, его жители якобы даже с интересом отнеслись к проекту. Благодаря влиянию властей удалось изучить и сфотографировать и недоступных ранее цыган.

Можно предполагать, что не во всех случаях экспедиции планировались столь масштабно, однако формы давления на местное население, скорее всего, были аналогичными. Сложно представить, чтобы без пассивного принуждения человек согласился пройти измерения, сдать кровь и сфотографироваться полностью обнаженным в условиях импровизированной студии со специальным оборудованием (хотя, возможно, в некоторых случаях, люди действительно не понимали, что такое фотографирование). Таким образом, возникает определенный конфликт научной методики и этичности исследования. Интересна в этом контексте коллекция антропологических съемок у крымских татар Эски-Кермена. Здесь представлены два трехпроекционных негатива портретов мужчин, зафиксированных обнаженными в полный рост, однако сделаны они на улице, а не в студии. Так как съемки в полный рост в данной экспедиции не проводились, возможно, имела место личная договоренность с двумя участниками исследования, которые согласились на такие условия. И, видимо, поэтому фотографии были сделаны в каком-то отдаленном месте, чтобы не привлекать лишнего внимания.

Архивация фотодокументов в МАЭ РАН. Интересное впечатление на непосвященного зрителя производят антропологические портреты. На них часто есть номер, который привешен рядом с фотографируемым или закреплен у него на одежде. В ряде случаев может возникать аллюзия к фотографиям заключенных. И только тем, кто знаком с условиями работы, ясно, что эти номера не несут какого-либо негативного смысла. При обработке большого количества информации исследователи вынуждены маркировать материалы, чтобы в дальнейшем иметь возможность разобраться в собранном, часто в очень короткий срок и в спешке, массиве данных. В любых науках применяется маркировка предметов (образцов, материалов), так как в полевых условиях не всегда можно обработать информацию. Здесь фотодокументы выступают такими же промаркированными предметами, и номера в данном случае относятся не к людям, а к конкретному документу (фотодокументу).

Нужно добавить, что в антропологии намного раньше, чем в этнографии, была осознана необходимость фиксировать информацию о человеке на фотографии: указывались возраст, национальность, место проживания, иногда имя (интересно, что именно личное имя оказывалось не столь важно на фоне других регистрируемых сведений о субъекте).

О том, насколько маркировка важна, свидетельствуют записи в музейных описях фотоколлекций. Даже промаркированные материалы путали между собой, номера измерительных бланков не совпадали с номерами изображенных на фото (см. напр.: МАЭ РАН 1. Л. 1). Интересно в этой связи замечание в описи к коллекции МАЭ И 126 (киргизы, соб. Р.П. Митусовой) (МАЭ РАН 2. Л. 1). Как уже говорилось выше, данное собрание поступило в Музей из другой организации, и аннотирование фотодокументов либо было плохо сделано еще в процессе работы, либо в ходе передачи часть документов была утеряна. В описи сделана пометка о том, что коллекция поступила без документов, были только регистрационные бланки обследованных и надписи на коробках с негативами. Предметы в коробках были перепутаны, поэтому фотодокументы с бланками отождествить не смогли.

Тут нужно отметить, что в результате почти вековой жизни антропологических комплексов документации (бланки измерений, сопроводительные документы, музейные описи и фотодокументы) в Музее взаимосвязь между многими документами была утеряна: например, измерительные бланки не коррелируют с фотодокументами. Возникшая ситуация объясняется несколькими причинами: во-первых, фотодокументы и сопроводительная документация экспедиций хранились в разных помещениях (и зданиях) и разными людьми; во-вторых, часть фотоколлекций была перерегистрирована на новые номера, которые могли быть не указаны в бланках; и в-третьих, сотрудники отдела антропологии изменили систему регистрации бланков, объединив их в группы по национальному принципу, а не по собранию/коллекции и присвоив им новые номера. Для восстановления утраченных связей необходимо проделать большую работу.

Методика обработки письменных и фотографических документов и установления корреляции между ними, использовавшаяся в МАЭ в 1920–1930 годы, была в целом единой. Возможно, это связано с тем, что большинство коллекций 1920-х годов оформлял один человек – Е. В. Жиров, который и разработал систему регистрации и хранения материалов в антропологическом отделе. В описях фотоколлекций нет личной информации об изображенном, только таблицы, где около музейного номера фотографии указан пол, возраст и номер регистрационной карточки. К примеру, в опубликованном отчете Б. Н. Вишневого о работе в Чувашии приведены только те данные, которые указаны в описи, т.е. личные имена моделей не указаны (*Вишневский* 1929). Для некоторых коллекций в таблицах приписана также национальность и/или место рождения, иногда часть информации приведена в шапке описи и не повторяется для каждого предмета. При регистрации была не важна личность изображенного, отмечались только его половая принадлежность, возраст, национальность и место происхождения, что сохраняло некоторую конфиденциальность. И только коллекция МАЭ И 1596 – материалы из экспедиции Г. И. Петрова 1931 г в БМССР – зарегистрирована несколько иначе. Коллекцию оформляла Л. Г. Нечаева, в описи указаны фамилии и поколение метисации изображенных лиц, т.е. отражена информация, зафиксированная собирателем, представившим отчет (*Петров* 1933). Более того, фотоколлекция (с указанием родственных связей, поколения метисации и фамилий изображенных, но без личных имен) практически полностью была опубликована. Нужно отметить, что это, пожалуй, один из немногих случаев издания почти всех фотодокументов конкретного научного исследования.

Разрешения на обнародование личных данных, вероятно, у объектов исследования никто не спрашивал. Однако при изучении метисации разных этнических групп фамилии семей могли быть важны, и они приводились в отчетах и статьях ученых. Для 1930-х годов это естественная практика, тогда как сегодня публикация таких документов может быть расценена (если не получено особого разрешения) как вторжение в частную жизнь.

Ситуация получения антропологического фотодокумента остается двойственной. На одной чаше весов – важность его содержания, на другой – невозможность его создания другим способом, кроме как с использованием давления на личность. Можно предположить, что немногим захочется фотографироваться в фас, профиль, 3/4, если для этого нужно сесть на специальный стул, зафиксировать голову головодержателем, а то и вовсе раздеться. Однако, насколько работа каждого конкретного исследователя сопровождалась абюзом в отно-

шении субъектов, сейчас сказать довольно сложно. Наши суждения с позиции современного развития общества и современных взглядов на отношения с информантами не всегда совпадают с реалиями прошлого. Культурные особенности, взаимодействие исследователя и исследуемого, фактические реалии и специфику обстановки, в которой производились работы того времени, необходимо оценивать через призму историзма. Однако имеющейся информации пока недостаточно для однозначных выводов, поэтому данная проблематика требует дальнейших специализированных исследований.

* * *

Несмотря на значительный территориальный охват проводившихся работ и большую коллекцию изображений, сугубо научная антропологическая фотография так и не стала в прошлом источником, широко используемым исследователями, и не рассматривалась как важная составляющая комплекса исторического/антропологического наследия. Однако при корректной обработке и правильной архивации фотография становится информативным документом не только для антропологических измерений и описаний, но и для изучения контекста ее создания, представлений ученых и населения о научной фиксации. Кроме того, фотография свидетельствует о ситуации в государстве, отражает общие исследовательские тенденции своего времени, приоритеты и методы в изучении народов и территорий, согласующиеся с запросом правительства, решающего задачи нациестроительства.

Собрание антропологических фотодокументов 1920-х – начала 1930-х годов, представленное в фонде Музея антропологии и этнографии, – это и научное наследие его сотрудников, работавших в годы строительства нового государства, это и отражение развития прежних теорий и новых научных идей, течений и технологий.

Подъем антропологических исследований в МАЭ и создание уникального комплекса фотодокументов 1920–1930-х годов, разительно отличающихся от более ранних образцов, связаны с деятельностью активных, ярких сотрудников Музея Б.Н. Вишневого и Г.И. Петрова. Именно благодаря их трудам стали возможны многие начинания в области создания и собирания антропологической фотографии.

Примечания

¹ В связи с этим необходимо кратко пояснить, каковы основные требования к созданию и характеристике антропометрического измерительного фотодокумента. Сходство двух видов изображений (этнографического и антропологического), сохранявшееся до конца XIX в., обусловлено тем, что исследователи снимали портрет (тип) субъекта исключительно для визуального изучения и описания его особенностей. Эти фотодокументы не предполагали унификации и определенных технических точностей, необходимых для измерения. Такие изображения подходят для составления обобщенного портрета этнической группы, но не позволяют сделать промеры. Для получения фотографии, подходящей для измерения, необходимо соблюсти ряд технических требований, которые либо унифицированы в методике (их начали разрабатывать к 1920-м годам), либо должны быть описаны особо, если автор имел собственный подход (такие документы для отечественных фотоколлекций, изготовленных до 1920-х годов, не известны). Перечислим основные приведенные в инструкциях требования для получения визуальных документов, которые можно было бы использовать для научных измерений:

– важнейшую роль при антропологической съемке играет максимальное сохранение однородности снимков субъектов, т.е. все портреты должны быть сняты с одинакового расстояния, на одинаковой высоте установки камеры, под одним углом;

- должно присутствовать две-три нормы поворота субъекта: фас, профиль, 3/4; при этом голова фотографируемого должна быть расположена во франкфуртской горизонтали;
- фокусировка снимка должна проводиться на определенные точки (напр., на внешние углы глаз или при съемке в профиль на козелок ушной раковины);
- необходимы специальные фотоаппараты и фотоносители определенных размеров. Размер негатива напрямую коррелирует с расстоянием от фотографа до субъекта и с фокусным расстоянием объектива;
- необходимо рассеянное освещение;
- на заднем фоне должна отсутствовать тень (*Павловский* 1962; *Синельников* 1926).

Это лишь часть правил, необходимых для получения полноценного антропометрического фотодокумента. Очевидно, что большинство их не могли быть соблюдены в фотографии XIX – начала XX в. не только по причине отсутствия подробно разработанной методики, но и за неимением технических и временных возможностей в условиях этнографических путешествий (съемки очень трудоемки и постоянно требуют замеров высот, расстояний и углов). Любая антропологическая съемка должна сопровождаться посемейными опросами с выявлением и родственных связей, и наиболее “показательных” представителей фиксируемой группы. Однако этнографические программы сбора такой информации не предполагали (Программа для собирания... 1903; *Тенишев* 1898).

Список сокращений

- МАЭ – Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
 КИПС – Комиссия по изучению племенного состава населения СССР
 ГАИМК – Государственная Академия истории материальной культуры (с 1926 г.)
 РГО – Русское географическое общество
 ЛГУ – Ленинградский государственный университет
 РМ – Русский музей
 ИИМК – Институт истории материальной культуры (с 1937 г.)
 КЭИ – Комиссия экспедиционных исследований РАН

Источники и материалы

- Всероссийская выставка 1866 – Всероссийская этнографическая выставка. От фотографической комиссии Распорядительного комитета по устройству русской этнографической выставки. М., 1866.
- НА ИИМК 1 – Научный архив Института истории материальной культуры РАН. Рукописный отдел. О работах разряда этнической антропологии в 1928 г. Ф. 2. Оп. 1. Д. 14.
- НА ИИМК 2 – Научный архив Института истории материальной культуры РАН. Рукописный отдел. Переписка Государственной академии истории материальной культуры 1928 г. Ф. 2. Оп. 1-1928. Д. 106.
- МАЭ РАН 1 – Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН. Описание коллекции МАЭ И 92.
- МАЭ РАН 2 – Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН. Описание коллекции МАЭ И 126.
- Отчет 1925 – Отчет о деятельности РАН за 1924 г. / Сост. С.Ф. Ольденбург. Л.: Изд-во РАН, 1925.
- Отчет 1927 – Отчет о деятельности АН СССР за 1926 г. Ч. II, Отчет о научных командировках и экспедициях / Сост. С.Ф. Ольденбург. Л.: Изд-во АН СССР, 1927.
- Отчет 1928 – Отчет о деятельности АН СССР за 1927 г. Ч. I, Общий отчет; Ч. II, Отчет о научных командировках и экспедициях / Сост. А.Е. Ферсман.

Л.: Изд-во АН СССР, 1928 г.

Отчет 1929 – Отчет о деятельности АН СССР за 1928 г. Ч. I, Общий отчет; Ч. II, Отчет о научных командировках и экспедициях / Сост. С.Ф. Ольденбург. Л.: Изд-во АН СССР, 1929.

Отчет 1930 – Отчет о деятельности АН СССР за 1929 г. Ч. II, Отчет о научных командировках / Сост. В.Л. Комаров. Л.: Изд-во АН СССР, 1930.

Отчет 1931 – Отчет о деятельности АН СССР за 1930 г. Ч. I, Общий отчет / Сост. В.П. Волгин. Л.: Изд-во АН СССР, 1931.

Программа для собирания... 1903 – Программа для собирания этнографических предметов. СПб.: Этнографический отдел Русского музея императора Александра III, 1903.

Тенишев 1898 – *Тенишев В.И.* Программа этнографических сведений о крестьянах Центральной России. Смоленск, 1898.

Хроника 1924 – Хроника // Русский антропологический журнал. 1924. Т. 13. Вып. 1–2. С. 130.

Научная литература

Вишневский Б.Н. Антропологическое изучение чуваш. К отчету по исследованиям 1927 г. // Материалы комиссии экспедиционных исследований. Серия чувашская, Чувашская республика. Сб. 1, Предварительные итоги работ чувашской экспедиции АН СССР по исследованиям 1927 г. Л.: Изд-во АН СССР, 1929. Вып. 10. С. 229–252.

Гинзбург В.В. Антропология в Академии наук // Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии. Труды Института этнографии имени Н.Н. Миклухо-Маклая. Новая серия. Т. 94. Вып. IV / Отв. ред. С.П. Толстов. М.: Наука, 1968. С. 188–215.

Дудин С.М. Фотография в этнографических поездках // Казанский музейный вестник. 1921. № 1–2. С. 31–51.

Дудин С.М. Фотография в научных поездках // Краеведение. 1923а. № 1. С. 31–46.

Дудин С.М. Фотография в научных поездках // Краеведение. 1923б. № 2. С. 134–146.

Павловский О.М. О методике фотографической документации антропологических исследований // Вопросы антропологии. Научные статьи и материалы. Вып. 10. М.: Изд-во Московского ун-та, 1962. С. 98–109.

Перевозчиков И.В. Основы антропологической фотографии. М.: МГУ, 1987.

Петров Г.И. Материалы Бурят-Монгольской антропологической экспедиции 1931 года. Ч. 1, Обзор работ экспедиции. Л.: Изд-во АН СССР, 1933.

Синельников Н.А. О методах антропологической фотографии // Русский антропологический журнал. 1926. Т. 14. Вып. 3–4. С. 99–102.

Терюков А.И. Коллекции И.Н. Шухова в собрании МАЭ РАН // Радловский сборник: научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2012 г. / Отв. ред. Ю.К. Чистов. СПб.: МАЭ РАН, 2013. С. 225–232.

Хириш Ф. Империя наций: этнографическое знание и формирование Советского Союза. М.: НЛО, 2022.

Research Article

Tolmacheva, E.B. Anthropological Photography of the 1920s – Early 1930s in the Context of the Development of National Territories by the Soviet Authorities [Antropologicheskaiia fotografiiia 1920-kh – nachala 1930-kh godov v kontekste osvoeniia sovetskoii vlast'iu natsional'nykh territorii]. *Etnograficheskoe obozrenie*, 2024, no. 1, pp. 133–150. <https://doi.org/10.31857/S0869541524010073> EDN: YEBVKU ISSN 0869-5415 © Russian Academy of Sciences © Institute of Ethnology and Anthropology RAS

Ekaterina Tolmacheva | <https://orcid.org/0000-0002-8715-359x> | toek@kunstkamera.ru | Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera), Russian Academy of Sciences (3 University Emb., St. Petersburg, 199034, Russia)

Keywords

photodocuments, photographic archive, museum collection, physical anthropology, anthropological expedition, visual anthropology, source study

Abstract

The article is devoted to various aspects of the creation of anthropological photography in the 1920s – early 1930s. Taking the case of the history and development of a visual document, it presents the problems of scientific development of national territories. The peculiarities of formation of the complex of photographic images in the period of nation-building are considered in the context of priorities for choosing territories and ethnic groups for research, interaction with the authorities, and approach to working with the local population. The text shows the various situations in which anthropological photographic documents were created, and the reports that reflected scientific tasks of researchers. The history of the formation of the MAE RAS photographic collection is exemplified by the main stages and directions of research, the technical specificities of creating photographic documents and archiving them in the museum collection. The article further raises questions of author's methodology for creating and collecting images, the problems related to the ethics of interaction with subjects and the publication of research materials.

Funding Information

Russian Science Foundation, <https://doi.org/10.13039/501100006769> [grant no. 21-18-00518]

References

- Ginzburg, V.V. 1968. Antropologiiia v Akademii nauk [Anthropology at the Academy of Science]. In *Ocherki istorii russkoi etnografii, fol'kloristiki i antropologii. Trudy Instituta etnografii imeni N.N. Miklukho-Maklaia. Novaia seriia* [Essays on the History of Russian Ethnography, Folklore and Anthropology; Proceedings of the Miklukho-Maklai Institute of Ethnography; A New Series], edited by S.P. Tolstov, 94 (IV): 188–215. Moscow: Nauka.
- Dudin, S.M. 1921. Fotografiiia v etnograficheskikh poezdках [Photography on Ethnographic Journeys]. *Kazanskii muzeinyi vestnik* 1–2: 31–51.
- Dudin, S.M. 1923. Fotografiiia v nauchnykh poezdках [Photography on Research Trips]. *Kraevedenie* 1: 31–46.
- Dudin, S.M. 1923. Fotografiiia v nauchnykh poezdках [Photography on Research Trips]. *Kraevedenie* 2: 134–146.
- Hirsch, F. 2022. *Imperiia natsii: etnograficheskoe znanie i formirovanie Sovetskogo Soiuzа* [Empire of Nations: Ethnographic Knowledge and the Making of the Soviet Union]. Moscow: NLO.

- Pavlovskii, O.M. 1962. O metodike fotograficheskoi dokumentatsii antropologicheskikh issledovaniĭ [On the Methodology of Photographic Documentation of Anthropological Research]. *Voprosy antropologii* 10: 98–109.
- Perevozchikov, I.V. 1987. *Osnovy antropologicheskoi fotografii* [Basics of Anthropological Photography]. Moscow: MGU.
- Petrov, G.I. 1933. *Materialy Buriat-Mongol'skoi antropologicheskoi ekspeditsii 1931 goda* [Materials of the 1931 Buryat-Mongol Anthropological Expedition]. Pt. 1, *Obzor rabot ekspeditsii* [Review of the Work of the Expedition]. Leningrad: Izdatel'stvo AN SSSR.
- Sinel'nikov, N.A. 1926. O metodakh antropologicheskoi fotografii [On the Methods of Anthropological Photography]. *Russkii antropologicheskii zhurnal* 14 (3–4): 99–102.
- Teriukov, A.I. 2013. Kollektzii I.N. Shukhova v sobranii MAE RAN [I.N. Shukhov Collections in the MAE RAS Collection]. In *Radlovskii sbornik: nauchnye issledovaniia i muzeinye proekty MAE RAN v 2012 g.* [Radlovsky Collection: Scientific Research and Museum Projects of the MAE RAS in 2012], edited by Y.K. Chistov, 225–232. St. Petersburg: MAE RAN.
- Vishnevskii, B.N. 1929. Antropologicheskoe izuchenie chuvash. K otchetu po issledovaniiam 1927 g. [Anthropological Study of the Chuvash: To the Report of the 1927 Research]. In *Materialy komissii ekspeditsionnykh issledovaniĭ. Seriya chuvashskaia, Chuvashskaia respublika. Sb. 1, Predvaritel'nye itogi rabot chuvashskoi ekspeditsii AN SSSR po issledovaniiam 1927 g.* [Proceedings of the Expeditionary Research Commission; Chuvash Series, The Chuvash Republic. Bk. 1, Preliminary Results of the Chuvash Expedition of the Academy of Sciences of the USSR on the Studies of 1927] 10: 229–252. Leningrad: Izdatel'stvo AN SSSR.